

бы иначе думали. Многие изъ петербургскихъ *юсуповъ* соглашаются, что эти пьесы лучше идутъ, нежели тамъ, и что Мочаловъ во многихъ мѣстахъ превосходитъ Каратыгина. Бабушка, я и Екимъ, всё, слава Богу, здоровы, но М-г G. Gendrozъ быть боленъ; однако теперь почти совсѣмъ поправился. Постараюсь слѣдовать совѣтамъ вашимъ, ибо я увѣренъ, что они служатъ къ моей пользѣ. Цѣлую ваши ручки, покорный вашъ племянникъ—М. Лермантовъ.

Р. S. Прошу васъ дяденькѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе и у тетеньки Анны Акимовны цѣлую ручки. Также прошу поцѣловать за меня Алешу, двухъ Катюшъ и Машу.—М. Л.

1831.

4. къ н. и. поливанову.

Москва 7-го іюня 1831.

Любезный другъ, здравствуй! протяжи руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь сумасшедшій совѣтъ. Насъ судьба разнеситъ въ разные стороны, какъ вѣтеръ листья осени. Завтра свадьба твоей кузины Лужиной, на которой меня не будетъ?! Впрочемъ, мнѣ теперь не до подробностей. Чортъ возьми всё свадебные пиры. Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы; я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры.—Source intarissable. Много со мной было. Прощай; напиши что-нибудь веселѣе. Что ты дѣлаешь? Прощай, другъ мой.—М. Лермантовъ.

5. къ м. ак. шанъ-тирей.

Конскъ 1831 года [?].

Ma chère tante. Вступаюсь за честь Шекспира. Если онъ великъ, то это въ „Гамлетѣ“; если онъ истинно Шекспиръ, этотъ геній необъемлемый, проникающій въ сердце человѣка, въ законы судьбы, оригинальный, т. е. неподражаемый Шекспиръ—то это въ „Гамлетѣ“. Начну съ того, что имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерканной пьесы Дюиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ ходъ трагедіи и выпустилъ множество характеристическихъ сценъ. Эти переводы, къ сожалѣнію, играютъ у насъ на театрѣ. Вѣрно, въ вашемъ „Гамлетѣ“ нѣтъ сцены могильщиковъ и другихъ, коихъ я не запомню.

„Гамлетъ“ по-англійски написанъ половина въ прозѣ, половина въ стихахъ. Вѣрно, нѣтъ въ вашемъ „Гамлетѣ“ и той сцены, когда Гамлетъ говоритъ со своей матерью, и она показываетъ на портретъ его умирающаго отца; въ этотъ мигъ съ другой стороны, видимая одному Гамлету, является тѣнь короля, одѣтая, какъ на портретѣ, и принцъ, глядя уже на тѣнь, отвѣчаетъ матери: „какой живой контрастъ, какъ глубоко!..“ Сочинитель зналъ, что, вѣрно, Гамлетъ не будетъ такъ пораженъ и встревоженъ, увидѣвъ портретъ, какъ при появленіи призрака.

Вѣрно, Офелія не является въ сумасшествіи, хотя сія послѣдняя одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ. Есть ли у васъ сцена, когда король подсылаетъ двухъ придвор-

ныхъ, чтобы узнать, точно ли помѣшанъ притворившійся принцъ, и сей обманываетъ ихъ.

Я помню нѣсколько мѣстъ этой сцены: они [придворные] надѣли Гамлету, и этотъ прерываетъ одного изъ нихъ, спрашивая: Гамлетъ: Не правда ли, это облако похоже на пилу?

1-ый придворный: Да, мой принцъ!

Гамлетъ: А мнѣ кажется, что оно имѣетъ видъ верблюда, что похоже на животное.

2-ой придворный: Принцъ, я самъ лишь хотѣлъ сказать это.

Гамлетъ: На что же вы похожи оба? — и проч.

Вотъ какъ кончается эта сцена: Гамлетъ беретъ флейту и говоритъ: „Сыграйте чтонибудь на этомъ инструментѣ“.

1-ый придворный: Я никогда не учился, принцъ, я не могу.

Гамлетъ: Пожалуйста.

1-ый придворный: Клянусь, принцъ, не могу [и проч. извиняется].

Гамлетъ: Ужели послѣ этого не чудачи вы оба? Когда изъ такой малой вещи вы не можете исторгнуть согласныхъ звуковъ, какъ хотите изъ меня, существа одареннаго сильною волею, исторгнуть тайныя мысли?..

И это не прекрасно!.

— Теперь слѣдуютъ мои извиненія, что я къ вамъ, любезная тетенька, не писалъ; клянусь, некогда было; ваше письмо меня воспламенило: какъ обижать Шекспира?

Мнѣ здѣсь довольно весело: почти каждый вечеръ на балѣ.—Но великимъ постомъ я уже совсѣмъ засяду. Въ университетѣ все идетъ хорошо.

Прощайте, милая тетенька, желаю вамъ здоровья и всего, что вы желаете. Если говорить: одна голова—хороша, а двѣ—лучше, зачѣмъ не сказать: одно сердце—хорошо, а два—лучше.

Цѣлую ваши ручки, остаюсь покорный вашъ племянникъ.

М. Лермантовъ.

Р. S. Поклонитесь отъ меня дяденькѣ и поцѣлуйте дѣточекъ.

1832.

6. къ софѣ Александровнѣ Вахмѣтовой.

[На пути изъ Москвы въ Петербургъ въ іюль 1832].

Ваше Атмосфераторство! Милостивѣйшая государыня, Софія, дочь Александра!.. Вашъ рабъ, всепокорнѣйшій Михайло, сынъ Юрьевъ, бьетъ челомъ вамъ. — Дѣло въ томъ, что я обрѣтаюсь въ ужасной тоскѣ; извозчикъ ѣдетъ тихо, дорога пряма, какъ палка, на квартирѣ вонь и перо скверное!.. Кажется довольно, чтобы истощить ангельское терпѣніе, подобное моему

Что вы дѣлаете?—Пріѣхала ли Александра, Михайлова дочь—и какія ея рѣчи? Все пишете—а моего писанія никому не являйте. Растрясло меня, и потому къ благовѣрной кузинѣ не пишу — а вамъ мало; извините моей немощи!..

До Петербурга съ обѣими прощаюсь. Рабъ вашъ М. Lerma.

Прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе тетенькѣ и всѣмъ домочадцамъ.